

Глава 1

Вы когда-нибудь видели эпизод с "Скрабами", где у них туалет на крыше? Они назвали это эпизодом Прозрения. Это был субботний вечер, и у меня было свое собственное прозрение; только не на унитазае. Я склонился над ним и выблевывал свои внутренности в прохладную фарфоровую миску.

Должно было быть далеко за час ночи, черт возьми, я точно не знал, который был час. Я был в доме своего приятеля Майка, устроившего пьянку; почти каждый субботний вечер я посещал такие мероприятия.

Меня зовут Остин Проповедник; да, это так. Все мои друзья зовут меня просто Проповедник. Завтра мне исполняется девятнадцать, так что сегодня был мой день рождения.

Нет, я еще не достаточно взрослый, чтобы пить. Достаточно ли я взрослый, чтобы курить косяк? Черт возьми, нет.

С тех пор как я окончил старшую школу, я, по сути, провел год, растрачивая свою жизнь впустую. Я играл в видеоигры весь день; напивался каждые выходные, и если это была женщина и дышала, я трахал ее.

Другими словами, я - худший кошмар родителей. За исключением того, что у меня только один родитель. Тот факт, что мой отец помер от пьянки, когда мне было двенадцать, казалось, не укладывался у меня в голове.

Моя мама пыталась. Она очень старалась вернуть меня назад; честно говоря, я не слышал ни слова из того, что она говорила.

Нет, я не собираюсь называть вам ее имя; я никогда не называю ее так, почему я должен говорить это сейчас. Она всегда была просто мамой. Нет, я никогда не смотрел на нее сексуально, на самом деле, если уж на то пошло, она не была девушкой, которую я считал своим типом.

Когда я, спотыкаясь, шел по коридору обратно в свою комнату, в своем затуманенном алкоголем мозгу я услышал звук, который не мог определить, и оглядел темный зал.

Прислонившись к стене за дверью маминной комнаты, я снова услышал это. На этот раз я знал, что это было: рыдание. Оно доносилось из маминной комнаты, и это заставило меня остановиться.

- Пожалуйста, Боже, - услышал я ее мягкий голос. - Не забирай его у меня, он все, что у меня осталось.

Я опустился на пол у стены, прислушиваясь к разговору, который я никогда не должен был слышать, но должен был услышать. Моя мать мягко умоляла Бога не забирать у нее... меня.

Ни одной просьбы не было к ней, ни одной. Она умоляла и умоляла сохранить мне жизнь. Она даже не говорила об алкоголе, наркотиках или сексе. Она говорила о своем одиночестве и о том, что скучает по моему отцу; и о мире, каким он был до выпивки.

Я знаю, это звучит мелодраматично, но пока ты там не был, сделай мне одолжение... Не суди. Когда я почти с трудом поднялся на ноги и, спотыкаясь, добрался до своей комнаты, я почувствовал горячие слезы на своих щеках. Впервые за свои девятнадцать лет я осознал не то,

что я делал с собой, а то, что я делал с ней.

Когда я проснулся на следующий день ближе к полудню, мне показалось, что голова вот-вот сорвется с плеч от похмелья. Мой живот болел от рвоты, и мне казалось, что я вообще не спал.

Когда я выскользнул из постели, все еще одетый во вчерашнюю одежду, в кои-то веки я смог увидеть и, Боже, смог почувствовать запах. От меня воняло потом и рвотой, в то время как в моей комнате воняло. Повсюду были разбросаны грязные тряпки, недоеденная еда на полу рядом с моим игровым креслом; это было одно из самых отвратительных зрелищ, которые я когда-либо видел; и это было в моей комнате.

Я быстро снял всю свою одежду, стоя там, я не мог больше ни секунды ее носить. Даже не задумываясь, я направился по коридору в душ. Была суббота, но я знал, что мама взяла смену на дополнительный день.

Господи, интересно, сколько уик-эндов она подрабатывала, чтобы оплачивать наши счета?

"Ты тупая гребаная задница", - подумал я про себя, проскользнув в душ. После душа я вернулся в свою комнату и, черт возьми, не смог найти чистые штаны или футболку. В одних трусах я медленно собрал с пола остатки своей грязной жизни и направился обратно по коридору.

Мне потребовалось больше нескольких минут, чтобы понять, как работает проклятая стиральная машина, это было так плохо, что я сделал три шага от машины, прежде чем понял, что даже не положил моющее средство в эту чертову штуку.

Затем я начал убирать свою комнату. Боже, потребовался почти целый кухонный мешок для мусора, чтобы вынести мусор. Это то, что делала мама? Неужели она терпела это снова и снова, пока я безучастно сидел перед своим компом?

Как только я действительно смог найти пол в своей комнате, я отправился на охоту. Я не знал, что она хранила пылесос в шкафу вместе с бельем. Черт возьми, я даже не знал, что это был вертикальный пылесос. Я все-таки догадался, как его включить, и провел следующие полтора часа, убирая загон для свиней, который я называл своей комнатой.

К половине третьего я надел чистую футболку и джинсы; и я действительно мог считать свою комнату снова пригодной для человеческого жилья. Я направился вниз по лестнице в тихом доме; направляясь на кухню, потому что мой теперь пустой желудок вел меня. Я вытащил из холодильника пакет с остатками еды и сунул их в микроволновую печь.

Стоя там, я оглядел посуду, стоявшую в раковине, и стол, заставленный маминой чашкой кофе и пепельницей.

Просто казалось самым естественным продолжить то, что я начал в своей комнате, и на самом деле на этот раз я был удивлен, когда всего полчаса спустя стоял в чистой кухне.

Я взглянул на часы, было уже три, и мамина смена скоро закончится. Должно было быть что-то еще? Я бродил по дому, просто осматривая. Гостиная была убрана и прибрана, Боже, как давно я здесь не сидел?

Маленькая столовая была завалена маминой бумагой. Я постоял немного, глядя на вскрытые конверты. Счет за электричество, счет за воду, счет за мобильный телефон; Господи, сколько всего нам надо оплатить? Я попытался подсчитать, но у меня все еще болела голова, поэтому я бросил это занятие.

"Это больше, чем она зарабатывает, это уж точно, черт возьми", - подумал я.

"Мне нужно было это исправить", - тихо подумал я. Я подумал, что мог бы помыть свою машину, Боже, это должна была быть яма похуже, чем моя комната. Я направился к входной двери и пересек подъездную дорожку. Я прошел около десяти футов, прежде чем увидел лужайку.

Срань господня, я вытаращил глаза. Это были проклятые джунгли, повсюду росли сорняки, а рядом с домом росла высокая трава. Я посмотрел по обе стороны двора на ухоженные лужайки соседей. Я подумал, что маме должно быть стыдно даже смотреть им в глаза.

Я направился в гараж и обнаружил газонокосилку, стоящую в углу. Я порылся вокруг, пока не нашел немного старого бензина, и запустил зверя. Должен признаться, сначала я думал, что шум заставит мой мозг расплавиться, но через некоторое время вибрация и гул оказали почти успокаивающее действие.

Я почувствовал, что начинаю потеть всего после нескольких поворотов по двору. Вышел из формы, придурок, я посмеялся над собой. Сняв футболку, я стиснул зубы и продолжал толкать зверя.

Я закончил с задней частью и косил вдоль стены гаража; и не замечал времени. Из-за газонокосилки я не услышал, как мамина машина въехала на подъездную дорожку. Я вышел из-за угла гаража как раз в тот момент, когда мама шла к дому. Она остановилась как вкопанная и уставилась на меня.

- Остин, - ее голос был едва слышен.

Я нагнулся и выключил косилку. Когда я подошел, я увидел, что ее глаза были похожи на огромные блюдца. Это было так, как будто она смотрела на незнакомца.

- Привет, мама, - сказала я почти застенчиво.

- Что... - она взглянула на подстриженные участки двора.

- Остин... - снова заговорила она.

- Пришло время мне нести свой вес, - тихо сказал я.

Я ничего не мог с собой поделаться, эта подростковая бравада. Я выпятил свою голую грудь. Я был уважаемым мужчиной. Я занимался спортом в старшей школе и всегда гордился своим телом.

- Кроме того, не мешает вернуть форму.

Я напряг мышцы и попытался улыбнуться.

Мама просто стояла и смотрела; ее глаза скользнули по моей потной груди, а затем снова вернулись к моему лицу. На этот раз было больше, чем просто удивление и шок, там тлело что-то еще, чего я никогда раньше не видел.

- Почему бы тебе не пойти и не принять душ? - тихо предложил я. - И не беспокойся об ужине, он накрыт.

- Ты Остин... верно? - тихо спросила мама.

- Да, мама, это я, - я посмотрел в ее растерянные глаза. - Ты знаешь: Остин сутулый, Остин бездельник, Остин мудака.

Она открыла рот, чтобы заговорить, но я оборвал ее.

- Я знаю. Нельзя так говорить.

Я улыбнулся.

- Но ты не можешь отрицать правду, - тихо сказал я.

Наклонившись, я нежно поцеловал ее в лоб, я почувствовал легкий аромат духов на ее коже. Почему я раньше этого не замечал?

- Иди прими душ, мама, - сказал я ей. - Мне нужно закончить.

Прежде чем она успела ответить, я направился обратно к косилке.

К тому времени, как я закончил и затолкал косилку обратно в гараж, сопливый паренек, который доставляет пиццу, был уже там. Когда я вошел на кухню, мама стояла, уставившись на коробку на столе.

- Как?.. - она посмотрела на меня.

- Я продал свои вещи Бенни, - тихо сказал я.

Я видел шок, отразившийся на лице мамы. Я продал свою записку, самое ценное, что у меня было, чтобы купить пиццу. Я мог видеть все вопросы в ее глазах, но я не мог ответить на них прямо сейчас.

- Мне нужно принять душ, - пробормотал я.

- Остин, - ее мягкий голос остановил меня на полпути через кухню.

Когда я повернулся к ней лицом, она скользнула через комнату ко мне. Нет, она не шла пешком. Эта женщина ростом пять футов три дюйма скользила. Ее маленькая рука поднялась и легла мне на грудь, я почувствовал, как забилося мое сердце, когда ее кожа коснулась моей. Что происходило? Я стоял как вкопанный.

- Не... принимай душ, - тихо сказала она.

Я озадаченно посмотрел на нее; от меня пахло потом и скошенной травой. Я посмотрел вниз и увидел, как один палец провел капелькой пота по моей грудной мышце.

- Мне нравится... - ее голос был тихим шепотом.

Я ничего не мог с собой поделать, я наклонился и снова нежно поцеловал ее в лоб.

- Иди садись, я принесу тарелки, - тихо сказал я.